

Эта нигилистическая позиция мне, однако, представляется неверной по существу. Жанры, с моей точки зрения, отнюдь не фикция, не плод наших поверхностных наблюдений, — они существуют реально, не только в нашем воображении.

Жанр — не механический конгломерат отдельных приемов, сосуществующих изолированно один от другого, а органическая система приемов, тесно связанных между собой и объединенных единством идейно-художественного замысла. Каждый прием сам по себе, взятый в отдельности, не может служить признаком жанровой природы того или иного произведения. Он становится этим признаком только в связи с другими признаками, в единстве всех приемов, составляющих художественную структуру произведения. Риторическое восклицание «!» встречается в разных произведениях, но признаком ораторской природы произведения и очень показательным, оно становится на фоне других стилистических приемов того же произведения, имеющих аналогичное художественное назначение.

Почему я считаю указанные мною художественные особенности «Слова о полку Игореве» признаками его ораторской природы? Только потому, что в такой комбинации, в таком сочетании, в аналогичном идейно-художественном контексте, они действительно встречаются только в памятниках старинного художественного красноречия, древнерусского в частности, и нигде больше не встречаются. Фактов, которые бы опровергали это наблюдение, мне пока никто не указал. И это, полагаю, дает мне право отстаивать с прежним «упорством» то положение о жанровой природе «Слова о полку Игореве», которое я впервые печатно сформулировал еще в 1944 году: пока не вижу достаточных оснований от него отказываться.

Еще несколько замечаний частного порядка по поводу статьи А. А. Назаревского.

По мнению А. А. Назаревского, моя «гипотеза» еще и потому совершенно неприемлема, что она будто бы объединяет «Слово о полку Игореве» — «и в его идейном значении и в значении художественном» (стр. 143). Не скрою, это последнее заявление мне просто непонятно. Почему «памятник исключительной политической остроты и глубочайшего патриотизма» не мог быть написан в форме ораторского «слова»? Почему «призыв русских князей к единению» мог быть воплощен только средствами всех жанров, бытующих в литературе киевской Руси, только в той гибридной форме, какую А. А. Назаревский приписывает «Слову»? Для меня является загадкой, как вообще жанр может определять художественную и идейную ценность произведения. Разве «Гамлет» становится хуже оттого, что Шекспир написал его в форме трагедии, а не в форме, допустим, эпической поэмы? В рамках того или иного жанра могут быть написаны произведения плохие и хорошие, рядовые и гениальные. Ценность произведения определяет не жанр, а талант художника. Или А. А. Назаревский полагает, что жанры по самой своей природе делятся на «плохие» и «хорошие», «низкие» и «высокие»? Если это так, — спорить с А. А. Назаревским, очевидно, бесплодно, так как о вкусах, как известно, не спорят.

В своей статье 1944 года я писал, что «устойчивость, известная обособленность жанров, а, следовательно, и всех тех структурных элементов, из которых эти жанры складываются, — характерная особенность средневековой литературы» (стр. 8). Положение это А. А. Назаревскому представляется «совершенно неверным». Положению этому А. А. Назаревский противопоставляет другое: «Наоборот, характерной чертой нашей литературы эпохи киевской Руси является недостаточная дифференцированность от-